

VANESSA LEN

ONLY A
MONSTER

Моей семье с любовью

Пролог

Когда Джоанне было шесть лет, она решила непременно стать Суперменом, когда вырастет, о чем сообщила отцу, также уведомив о необходимости подобающей экипировки для тренировок. Он никогда не любил понапрасну тратить деньги, поэтому нарисовал большую букву S на голубой футболке дочери и дал красный платок, который она могла использовать в качестве плаща. Джоанна каждую ночь надевала этот наряд, ложась в постель.

— Супермен? — фыркнула бабушка, когда внучка пришла погостить к ней в Лондон тем летом. — Ты вовсе не герой, малышка. — Затем наклонилась ближе, словно поверяя секрет, и добавила: — Ты монстр. — Она произнесла последнее слово так, будто говорила о каком-то особенном существе вроде эльфов.

Джоанна помогала бабушке заправлять кровать в гостевой спальне, надевая наволочки. В комнате пахло свежестырированным постельным бельем. Утреннее солнце заливало все помещение, даже в самых дальних уголках не осталось теней.

— Монстры выглядят как огромные пауки, — прокомментировала Джоанна. — Или ожившие роботы. — Она посмотрела достаточно мультфильмов, чтобы разбираться в этом вопросе.

Бабушка иногда шутила, сохраняя серьезное выражение лица. Возможно, сейчас был как раз такой слу-

чай. Но ее глаза не блестели от сдерживаемого веселья, а сама она казалась озабоченной, вздохнув:

— Только выдуманные. Настоящие монстры выглядят как мы с тобой.

Девочку это сравнение поставило в тупик. Они с бабушкой совершенно не были похожи друг на друга. Джоанна уродилась в отца, который переехал в Англию из Малайзии в восемнадцать лет, и унаследовала семейные черты семейства Чен: округлое лицо с веснушками, миндалевидные глаза и гладкие черные волосы.

Бабушка же казалась почти копией своей дочери с фотографий: копна рыжих кудряшек и пронизывающие зеленые глаза. Иногда Джоанна видела в зеркале похожее выражение на собственном лице — подозрительный прищур, внимательный и настороженный. «Взгляд семьи Хант», как называла это бабушка.

Она разгладила последние складочки на пуховой перине и присела на край постели. Теперь они с внучкой оказались одного роста.

— Монстры — всегда злодеи, — скептически заметила Джоанна, вспоминая мультфильмы, в которых страшные существа прятались под кроватью, чтобы затем напасть с неестественным, кровожадным смехом.

А еще они ели людей. Когда миссис Эллери, учительница в школе, рассказала, что уроженцы Китая употребляют в пищу кошек и собак, Джоанна ощутила себя причастной к категории негодяев, но с тем же бурлящим внутри возмущением, что и сейчас. Она не была злодейкой. Не была, и все тут!

Почему-то слова внучки вызвали у бабушки улыбку.

— Иногда ты так похожа на свою маму.

Джоанна не понимала, какое это имело отношение к их разговору о монстрах, но оставила возражения при себе, в надежде что бабушка скажет что-нибудь еще. Она почти никогда не упоминала о погибшей дочери в присутствии внучки, которая тогда была еще совсем маленькой. Дома фотографии мамы стояли на телевизоре

и висели на стене гостиной, но в лондонском особняке бабушки находились лишь картины с изображением пейзажей и старых развалин.

— Папа говорил, она была умной, — рискнула подтолкнуть беседу в нужном направлении Джоанна.

— Очень умной, — подтвердила бабушка, глядя внучку по волосам. — Умной и упрямой. Тоже не верила ни во что, пока не получит доказательств.

С этими словами, не дав Джоанне времени на расспросы, она протянула руку вверх и дернула, словно срывала с невидимого дерева невидимое яблоко. Волосы на голове девочки зашевелились, хотя она не могла сказать почему.

Когда же бабушка разжала пальцы, на ее раскрытой ладони лежал предмет, сверкавший золотом, как утреннее солнце. Монета. Джоанна никогда не видела такой: с изображением крылатого льва на одной стороне, и короной — на другой.

— Я знаю этот трюк, — приходя в себя, прокомментировала внучка. Кузина Рут проделывала такой же номер с пуговицей, заставляя ту исчезать и появляться: прятала между пальцами, а потом снова выкатывала на ладонь. — Называется ловкость рук.

— Можешь так? — спросила бабушка, отдавая монету внучке. Золотистый кружок оказался гораздо тяжелее, чем выглядел. — Можешь заставить ее исчезнуть?

Трюк Рут был довольно сложным, и Джоанна сумела повторить его успешно лишь дважды, уронив пуговицу остальную сотню раз во время тренировок. Однако бабушка ждала, поэтому Джоанна попыталась проделать номер, убрав монету между большим и указательным пальцами так, чтобы та не выпала, сохраняя баланс.

— Нет, по-другому, — покачала головой бабушка. — Тем же способом, что и я. — С этими словами она вернула монету на ладонь внучки и сомкнула ее пальцы в кулак. — Как делают монстры.

«Но я не монстр, — подумала Джоанна. — И не хочу им быть. Не хочу быть злодеем».

Бабушку тоже язык не поворачивался назвать монстром. Они проводили вместе каждое лето. Она утешала внучку, когда той снились кошмары. А когда во время прогулки в парке нашла раненую птицу, то завернула ее в шарф и ухаживала до тех пор, пока бедная пичуга не поправилась и не начала снова летать. Разве монстры могли так себя вести?

Джоанна сосредоточилась на весе монеты в руке, пока не перестала его чувствовать, и только тогда разжала пальцы, продемонстрировав бабушке пустую ладонь.

— Вот так и делают монстры, — одобрительно и тепло улыбнулась та, после чего добавила: — Но нужно соблюдать одно правило при этом.

— Правило? — переспросила Джоанна.

Дома отец тоже устанавливал правила поведения: как следовало и не следовало поступать в определенных ситуациях. Воровать — плохо. Помогать людям — хорошо. Врать — плохо. Слушаться учительницу — хорошо.

Однако в семье Хант, похоже, был принят совсем иной набор правил. Воровать и врать допускалось, но только тогда, когда дело касалось посторонних. — Главное — всегда возвращать долги и хранить верность родным. Вот что считалось основным достоинством.

— Мы прячемся у всех на виду, — сказала бабушка. — Ты понимаешь, что это означает?

Воцарилась тишина. Даже птицы за окном, казалось, перестали щебетать. Джоанна отрицательно покачала головой. Хотя на морщинистом лице собеседницы сохранялось доброжелательное выражение, голос звучал очень серьезно:

— Это означает, что никто не должен проведать, кем являются члены нашей семьи. Кем являешься ты. — И совсем тихо бабушка добавила: — Никому и никогда не рассказывай о монстрах.

1

Джоанна пригладила волосы и последний раз заглянула в зеркало, которое висело в коридоре. Сегодня ей предстояло свидание. С Ником. Они вместе работали волонтерами в музее во время летних каникул. Она была без ума от обаятельного парня. Как и все другие девушки.

Вчера он пригласил Джоанну прогуляться, кусая при этом губы и нервничая, словно она могла ответить «нет». Словно ее сердце не замирало каждый раз, как они оказывались в одном помещении.

Глаза в отражении затуманились и приняли мечтательное выражение.

Теперь же они с Ником проведут вдвоем целый день! Их маршрут начинался с завтрака в кафе на Кенсингтон-Хай-стрит. Джоанна взглянула на телефон. Еще час — и можно отправляться.

Она призналась самой себе, что тоже нервничает. Хотя к волнению примешивалась и немалая доля предвкушения. Они с Ником постепенно сближались все лето, но сегодняшнее свидание символизировало начало нового этапа отношений.

С первого этажа донесся смех. Джоанна сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Двоюродные брат с сестрой уже проснулись. Их знакомые и привычные пререкания становились все громче по мере спуска по лестнице.

— Лучшая подделка в Национальной галерее? — поинтересовался двоюродный брат Берти.

— Легко! — тут же откликнулась кузина Рут. — Моне, «Пруд с кувшинками».

— Это не подделка! — возразил собеседник.

— Я остаюсь при своем мнении.

— Нельзя просто назвать первую пришедшую на ум картину!

Одолеевая последние ступени, Джоанна уже улыбалась. Основную часть года она проводила с отцом в Милтон-Кейнс и наслаждалась спокойной жизнью там, но любила также и шум-гам бабушкиного особняка, с нетерпением ожидая очередной поездки к ней каждое лето.

На кухне Рут уже взгромоздилась на сломанные батареи под окном. В свои семнадцать она была на год старше Джоанны и их двоюродного брата Берти, но сегодня утром выглядела совсем ребенком в серых пижамных штанах из фланели и футболке с трансформерами. Темные кудри обрамляли миловидное лицо.

— Посмотри, там в шкафчике есть чай? — попросила Рут Берти.

— Только травы, которые заваривает бабушка, — ответил он, скосив один глаз и слегка наклоняя голову, но не отрывая при этом взгляда и от сковороды, где жарились грибы и помидоры.

Казалось, что двоюродный брат собирается на вечеринку в стиле 1920-х годов с катанием на лодках по Темзе: его черные волосы украшала соломенная шляпа. Говоря начистоту, все члены семьи Хант обладали весьма необычным чувством стиля и одевались экстравагантно.

— Фу, отрава, — прокомментировала Рут. — На вкус как... — она осеклась, заметив в дверях кузину, смерила взглядом ее новое платье и уложенные волосы, после чего медленно расплылась в ехидной улыбке.

— Даже не начинай, — тут же предупредила Джоанна, но опоздала.

— Вы только посмотрите на эту красотку, — уже расхохоталась Рут.

— Собираешься на собеседование? — поинтересовался Берти. — Я думал, ты пока работаешь волонтером в том музее.

— Я завтракаю кое с кем, — неохотно отозвалась Джоанна, чувствуя, что краснеет.

— Разоделась как на свидание, — отметила Рут и тут же картинно схватила за сердце: — Спорим, что они потом пойдут в V&A смотреть на средневековый текстиль? Романтика в стиле настоящих ботаников.

— Почему сразу для ботаников? — запротестовала Джоанна, не в состоянии, однако, сдержать улыбку. — В музее Виктории и Альберта есть и другие вещи. Например, исторические костюмы, старинные обои... керамика...

— Роман, достойный войти в легенды, — продолжила Рут, откидываясь спиной на окно и по-прежнему не отрывая руки от груди. — Два помешанных на истории ботаника вкалывали волонтерами в музей все лето, пока однажды, подметая полы, не встретились взглядами...

— Вам бы тоже не повредило хоть иногда помочь там, — фыркнула Джоанна, затем подошла к кухне и стащила с ее тарелки один из тостов. — Это даже интересно. Совсем недавно нас учили, как реставрировать разбитые изделия из керамики.

— Когда-нибудь я запишу на диктофон твои высказывания, чтобы ты сама послушала, насколько абсурдно они звучат, — усмехнулась Рут, после чего изобразила робота и заговорила механическим голосом: — Я Джоанна. Я люблю приносить пользу обществу. Я такая зануда, что перехожу дорогу только на зеленый свет.

— Ага, именно так я всегда и разговариваю.

Хотя Рут и была взрослее Джоанны, но в их отношениях всегда все обстояло наоборот: первая считала, что правила предназначены для других, второй же при-

ходило играть роль старшей сестры, отбирая у кузины украденные в магазине предметы и возвращая их или таща ее за собой к светофору, чтобы помешать той пересекать улицы в непопозволенном месте.

Рут поддразнивала Джоанну, называя пай-девочкой, но по-доброму, любя. Они знали друг друга слишком давно, чтобы пытаться изменить чужую натуру.

— Выкладывай, — так же тепло произнес Берти, ставя на стол сковороду с обжаренными помидорами и грибами. — Расскажи нам все.

— Дай нам погрузиться в историю любви ботаников хоть с твоих слов, — ухмыльнулась Рут.

— Он мне нравится, — призналась Джоанна, шутливо пиная кузину.

— Да ты что? — протянула та с демонстративной терпеливостью человека, которому приходилось все лето выслушивать восторженные рассказы о Нике, затем схватила вилку и наколола гриб со сковородки.

— Остальное вы знаете. Этим утром мы договорились позавтракать вместе, а потом прогуляться по музею декоративно-прикладного искусства.

— Ага, — подмигнула Рут. — А там вы, два чокнутых любителя истории, занываетесь за какой-нибудь экспозицией и... — она вытянула губы к грибу и зачмокала: — М-м, м-м...

— Эй! — возмущенно окликнул ее Берти. — Я вообще-то готовил их не для того.

— М-м, м-м...

— Даже не хочу знать, что вы там обсуждаете, — раздался с лестницы голос бабушки.

— Мне как раз пора выходить! — заверила Джоанна до того, как кто-то из родных успел хоть что-то сказать. — До скорого!

— Куда это ты собралась? — осведомился дядя Гас, спускавшийся по ступеням.

— У нее свидание! — проинформировала его Рут.

— Подожди, я хочу узнать все о том молодом человеке, с которым вы встречаетесь! — воскликнула тетя Ада, шагавшая следом за мужем.

— Потом расскажу! — выкрикнула Джоанна, выбегая из кухни и спеша прочь по коридору.

— Так с кем свидание-то? — поинтересовалась тетя у остальных.

— С парнем, по которому наша пай-девочка сохнет все лето, — хихикнула Рут.

— Они будут целоваться, разглядывая средневековый текстиль, — почти пропел Берти.

— Пока-пока! — крикнула на прощание Джоанна, невольно рассмеялась и выскочила из дома.

Она продолжала улыбаться, шагая по улице Лексхэм-мьюс, затем свернула на Эрлс-корт и оказалась на Кенсингтон-Хай-стрит. Стояло теплое лето, и нагретый воздух обещал еще один жаркий день.

Когда Джоанна уже приближалась к кафе, пришло сообщение от Ника: «Я уже в метро». Она глубоко, удовлетворенно вздохнула. Значит, он тоже решил явиться раньше оговоренного срока и находился менее чем в пятнадцати минутах отсюда. До сих пор не верилось, что им предстояло провести целый день вдвоем, наедине. При этой мысли Джоанна начала нервно кусать губы.

В кафе она подошла к стойке, заказала чашку чая и села с ней за столик возле окна. Солнечные лучи падали через стекло, согревая лицо.

Джоанна уже достала телефон, чтобы ответить на сообщение Ника, когда ощутила порыв ветра. Сквозняк проник из открывшейся за ее спиной двери. Следом раздался грохот, который повлек бы за собой всплеск насмешек, если бы дело происходило в школьной столовой. Как и все посетители кафе, Джоанна обернулась на шум.

Перед опрокинутым столиком стоял мужчина и растерянно моргал, рассматривая осколки разбитых тарелок.